

С. В. Березницкий

**РЕЦИПРОКНЫЕ СВЯЗИ
В ПРОМЫСЛОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА**

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются концепции отечественных и зарубежных ученых (Карла Полаanyi, Марселя Мосса, Бронислава Малиновского, Мориса Годелье, Сергея Александровича Арутюнова, Елены Сергеевны Новик) об институте реципрокности применительно к выявлению этнокультурных особенностей промысловых технологий на этнографических материалах коренных народов Амуро-Сахалинского региона и Дальнего Востока России (нанайцев, нивхов, удэгейцев, уйльта, эвенков и др.). Обнаруживается комплекс сложных обменных отношений не только между отдельными людьми, охотниками, рыбаками, оленеводами, морскими зверобоями, но и между отдельными поселениями, родовыми подразделениями, несмотря на то что в настоящее время определенная степень родства осмысливается лишь на фактах бытования родовых фамилий. Реципрокные отношения играют важную роль в промысловой деятельности при осуществлении взаимовыгодного обмена ритуальными подарками между миром людей и миром духов-хозяев местности, от которых во многом зависит промысловая удача. Выявляется специфическая форма негативной реципрокности в деятельности некоторых родовых, семейных рыболовных, оленеводческих общин коренных малочисленных народов Амуро-Сахалинского региона, в основе которой лежат не только традиционные внутриродовые связи, обычай взаимопомощи, механизм справедливого распределения природных ресурсов, но и новые экономические отношения, порожденные рыночными тенденциями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: механизм реципрокности, коренные народы Амуро-Сахалинского региона, промысловые технологии

УДК 394

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-127-135

БЕРЕЗНИЦКИЙ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — д.и.н., в.н.с. отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

В середине XX в. американский антрополог, один из разработчиков теоретического осмысления механизма перераспределения благ, Карл Полаanyi ввел в научный оборот концепцию реципрокности (Полаanyi 2006: 51–57). Под реципрокностью он полагал специфический дарообмен между людьми, способ передачи благ, заключающийся в их ритуализированном дарении. Реципрокный обмен исключает товарно-денежные отношения, но не означает одностороннего дарения, так как даритель ожидает получения чего-нибудь в ответ.

Анализом института дарообмена занимались в своих трудах также Марсель Мосс и Бронислав Малиновский. М. Мосс тщательно рассмотрел систему взаимного дарения, институт дарообмена в архаических обществах, в том числе на примере традиционных культур Северной Америки и Северо-Восточной Сибири. Дар он определил как сложнейший, глубинный социальный аспект, специфика которого отличается одновременно добровольным и принудительным характером, свободным, безвозмездным, но и не бескорыстным, преследующим конкретную цель повышения социального статуса дарящего. С одной стороны, весь механизм дарения кажется прозрачным, однако он является хорошо продуманным социальным обманом с целью наживы (Мосс 2011: 137, 141–143 и др.). Значимость теоретической концепции Мосса заключается в том, что он выявил, кроме экономических оснований, мощный мировоззренческий компонент, по которому дар, вещь, предмет, услуга наделены магической силой, связанной с жизненной субстанцией человека, с его душой и возможностью приобретать энергетические ресурсы существования и жизнедеятельности. Мосс подчеркивал, что даритель и получатель находятся в системе тройного обязательства, по которому они должны дарить, брать и возмещать. Они соревнуются в своей щедрости, и этот процесс дарообмена воздействует на них самих, на социум, на вещи, на природу, на животных и на божества этой природы. Таким образом, комплекс взаимообмена дарами пронизывает все сферы жизни архаического общества (Мосс 1996: 79–80). Если будут щедрыми люди, то и хозяева отдельных участков местности будут щедрыми к людям и будут давать им возможность пользоваться дарами природы.

Б. Малиновский исследовал систему дарообмена на примере института кула (обмен, передача от острова к острову материальных ценностей: ожерелий из красных раковин и браслетов из белых раковин) в Меланезии и потлача (церемониальный обмен дарами) в культуре североамериканских индейцев (Малиновский 2004: 102, 107–118 и др.). Обмен ожерельями и браслетами по концентрически замкнутым кругам цепочки островов не заменял параллельно идущего обмена товарами, играющими реальную роль в традиционной экономике народов Меланезии.

Французский ученый М. Годелье изучил труды предшественников в сфере дара и, «заразившись» этой проблемой, провел много лет в поле, изучая дарообмен некоторых народов Меланезии. В результате он выявил еще одну грань обменного института: существование вещей, которые нельзя было дарить и продавать, а можно только хранить, связь этих предметов, священных объектов, с сакральным миром (Годелье 2007: 12–16). Значительная часть работы М. Годелье посвящена критическому рассмотрению проблем реципрокности, дарообмена, дара, обменных и торговых отношений в разных обществах, освещенных в трудах М. Мосса, К. Полаanyi, Б. Малиновского, К. Леви-Стросса и других исследователей. Подробный анализ этого критического обзора и особый взгляд на проблему самого М. Годелье можно найти не только в его работе, но и в статье А. А. Белика (Белик 2008: 157–166).

Маршалл Салинз развил далее сущность понятия реципрокность и выделил три его основные формы: сбалансированная, при которой предполагается взаимное эквивалентное дарение; пример территориальной или соседской общины; генерализованная, не требующая возмещения дарения. Последний вид дара преобладает в основном в отношениях родителей к своим детям. Негативная реципрокность, при которой ожидается лишь выгода, так как получатель дара стремится отдать гораздо меньше или вовсе не отдавать, обмануть своего партнера и достичь собственной максимальной выгоды за счет другого (Салинз 1999: 177–179)

Реципрокные отношения доминируют в традиционных обществах в рамках исключительной коммунальной собственности на природные ресурсы.

Представляется актуальным рассмотреть возможность применения указанных выше теоретических концепций для исследования особенностей реципрокных связей в промысловых технологиях коренных народов Амуро-Сахалинского региона (нанайцев, нивхов, удэгейцев и др.).

С. А. Арутюнов выявил глубинную связь института реципрокности с наличием в хозяйственно-культурном комплексе охотничьих и рыболовных этносов экофильных и экофобных компонентов (Арутюнов 2002: 375–376). Традиционные общества сходны в своем отношении к окружающей природе как к враждебному, содержащему постоянную опасность миру, вследствие чего экофобные компоненты культуры нередко преобладают, что проявляется в чрезмерной добыче животных, в том числе самок и даже молодняка. Подобные образцы чрезмерного потребления зафиксированы в охотничьих и рыболовных промыслах нанайцев XX в. (Лопатин 1922: 136–137; Гаер 1991: 27).

Прекрасные результаты исследования реципрокности были получены Е. С. Новик, которая на сибирском и дальневосточном этнографическом материале на основе анализа соответствующих сюжетов отечественных и зарубежных ученых (см., например: Штернберг 1933; Васильев 1940; Крейнович 1973; Таксами 1975; Вдовин 1977) рассмотрела институт реципрокности в сфере обмена дарами между людьми и сверхъестественными существами, заведующими природными ресурсами (Новик 1998: 232–241). При этом Е. С. Новик подчеркнула не замечаемую многими другими исследователями особенность реципрокного механизма сакральной коммуникации между охотником или рыбаком, который обращается к духам с речью и дарами, а в ответ получает только дары без обратной вербальной информации.

В последние годы информанты заостряют внимание на том факте, что прежде их деды и отцы обращались к хозяевам рек, гор, тайги и моря исключительно на родном языке, мотивируя этот монолог тем, что духи не понимают русского языка. Совершенно справедливо ряд ученых указывал на особенность реципрокных договорных отношений промысловиков с хозяевами, заключающуюся в том, что духам демонстрировали лишь жалкие остатки пищевых продуктов, которыми невозможно полноценно накормить детей, стариков и больных. При угощении этих духов старались давать им именно то, чего не было в соответствующих стихиях, в частности морских хозяев угощали мясом и жиром таежных животных, лесных духов — продуктами морского зверобойного промысла. Самыми приоритетными продуктами были покупные «заморские» деликатесы: крупа, алкоголь и табак, а из жертвенных животных прежде всего покупаемые у маньчжуров, китайцев или славян (Штернберг 1933: 55–56, 70; Васильев 1940: 167; Крейнович 1973: 276; Вдовин 1977: 162).

Выявила Е. С. Новик и связь реципрокности с институтом избранничества. Речь идет о разных видах смерти людей (сгоревшие в огне или от удара молнии, утонувшие в реке или море, убитые тигром или медведем и т.п.), души которых попадают в загробные миры владетелей этих территорий или стихий. Впоследствии в результате сложных метаморфоз эти души уже в качестве духов принимают участие в распределении даров природы своим родственникам и сородичам. Нередко в качестве таких положительных в целом духов-хозяев выступают души умерших людей, которые сами нарушили принципы реципрокности и добывали зверей птиц или рыбу гораздо больше требуемого, за что были наказаны смертью (Гаер 1991: 27; Старцев 2005: 232).

До сих пор коренные народы Амуро-Сахалинского региона соблюдают промысловые табу (запрет женщинам на занятие вышивкой в тот момент, когда их мужья на промысле, и т. п.) (см., например: Таксами 1975: 76). Неисполнение запретов приводит к негативному типу реципрокности и даже к смерти промысловика. Охотник или рыбак теряет ориентировку в пространстве, уплывает в обратную от стойбища сторону и погибает в море, пропадает в тайге или горах, проваливается под лед, теряет промысловый фарт.

Одна из сахалинских информанток, рассказала о подобном случае: *«...как-то в детстве, когда она жила в Ныйво, она мыла посуду. И случайно разбила чашку. А отец в это время охотился на нерпу. ...бабушка очень сильно испугалась, расстроилась и заставила ее зимой, почти раздетую и разутую, быстро бежать на берег моря и кричать отцу, чтобы он срочно возвращался*

домой. *А отец ловил нерпу на льду. А разбитая чашка, даже случайно, могла привести к тому, что под охотником расколется лед и он утонет...*» (ПМА 2019). Кроме этой информации, она поведала и об эволюции своих взглядов на окружающий мир, на сложные отношения людей и сверхъестественных существ, от щедрости которых зависит промысловая удача социума. Доказать реальное существование этих духов-хозяев невозможно, но практически все коренные народы региона испытывают на себе их влияние в виде наличия или отсутствия промысловой удачи.

Принцип реципрокности действует в обязательном порядке при раздаривании частей туши добытой в море нерпы. Как правило, охотники добывают (ловушкой или с помощью огнестрельного оружия) одну нерпу, после съедения которой предпринимают новый выход на промысел. Если попались две нерпы, то вторая туша в основном раздается родственникам и соседям. Угощаются даже соседи — русские семьи, но при условии, что они употребляют мясо и сало нерпы в пищу. При раздаче частей туши нерпы действует обязательный обычай отдаривания, и не только дарами тайги или моря. По словам информантов, все зависит от благосостояния семьи или отдельного человека, счастливых или неудачных периодов его жизни, финансовых затруднений, потери родственников и т.п. Поэтому принимающий кусок мяса или жира нерпы человек может отдариться пачкой сахара, муки, банкой консервов. Если это семья стариков, бедных пенсионеров, то они могут вернуть дарителю тазик, в котором им принесли нерпичье мясо с косточкой, положив в него простое полено.

В. Н. Ерискина выявила специфику процесса обменных отношений современных коренных народов Камчатки: ительменов и коряков (Ерискина 2003: 92–97; Войченко 2010: 84). По ее данным, взаимосвязь дара и ответного подарка обнаруживается повсюду как особенная форма связей не только между отдельными людьми и их сообществами, родовыми подразделениями. Вещи и различные услуги, бытующие в круговороте дарения, демонстрируют щедрость и взаимоуважение всех участников процесса, помогают им повышать социальный престиж и налаживать новые связи.

По мнению современных кур-урмийских нанайцев, технические достижения не всегда могут приносить людям пользу. Например, раньше у всех нанайцев не было холодильников и охотник раздавал большую часть добычи всем сородичам. Особенно обычай реципрокности соблюдался в этапные периоды жизнедеятельности, прежде всего во время нереста. Нанайцы соблюдали важный ритуал: как только кто-то ловил первую кету, ею старались угостить каждого жителя поселка, чтобы у всех была удача на промысле. Эту рыбу резали на маленькие кусочки и следили, чтобы они достались всем в поселении. Можно привести пример своеобразного варианта этого обычая, популярного у молодежи в начале XXI в. Вечерами молодые нанайцы (Д. А. Удинкан, Д. Н. Лесников, В. К. Ван и др.) запекали крупную рыбу (ершей, сазанов и т.п.) в специально изготовленной для таких случаев жаровне, шутливо называемой «барбекюшница». Жаровню устанавливали на берегу реки Кур. Рыбу чистили от чешуи и внутренностей, солили, перчили и укладывали на решетку жаровни, под которой горел костер. Для придания рыбе аромата и особого вкуса на решетку иногда укладывали несколько веток боярышника с плодами. Каждый рыбак старался изобрести свой уникальный рецепт. Приготовление занимало около 30 минут. Этот кулинарный обычай имел важное социальное значение, так как периодически каждый молодой промысловик старался сам поймать крупную рыбу и организовать вкусное угощение для своих друзей (Березницкий 2015: 66–89). Тем самым он не только доказывал односельчанам свои качества промысловика, добытчика, кулинара, но и вступал в сложную систему социальных отношений, неизменно повышая свой статус. Отдельные случаи угощения впоследствии неоднократно обсуждались в среде молодых промысловиков.

Можно привести пример реципрокности и в отношении добычи и употребления в пищевой модели дикоросов. Одна из нивхских информанток рассказала о ее специфических экономических соседских связях: *«...у меня с соседкой вот такой “кооператив” образовался. Это я так в шутку называю. Я очень люблю и умею готовить грибы. Но собирать их не люблю. А моя соседка, наоборот, собирать любит и умеет. А чистить их, возиться с ними не хочет. Вот мы*

и организовали кооператив — она собирает и отдает весь сбор мне. Я их перебираю, чищу, жарю на две семьи: на свою и на ее. Получается, что грибы нам дала природа. Соседка потратила энергию на поиски и сбор этих грибов, а я — на их чистку и готовку. И нам обоим выгодно заниматься любимым делом. Я грибы не только жарю, но и мариную: маслята, подосиновики, подберезовики, грузди, белые, сыроежки. Это все земляные грибы, так как древесных грибов на Сахалине нет. А наши старики грибов не ели, потому что считали их пищей оленей...» (ПМА 2019).

Бикинский удэгеец П. Г. Каленчуга может служить ярким примером генерализованной реципрокности, основанной на традиционных социальных обычаях этого народа, но сегодня еще и включающей в себя большой процент альтруизма: оказание разнообразной помощи без ожидания ответного материального вознаграждения (Березницкий 2017: 91–108). П. Г. Каленчуга в конце 1990–2000-х годов был очень удачливым охотником. Свой фарт он объяснял тем, что родился на реке Бикин в стойбище Гонгулаза в окрестностях одноименной священной для всего удэгейского этноса скалы. Этот природный культовый объект охотники всегда угощали перед удачным промыслом и после него. Теперь в этом месте никто не живет. Как известно, в соответствии с традиционной промысловой технологией в начале сезона охотник должен заготовить достаточный объем мяса диких животных (копытных) и рыбы, чтобы затем не отвлекаться и все время посвящать ловле соболя. Охота на белку из-за невысокой цены ее шкурки является попутным видом промысла. Только в случае появления белки в момент установки капканов на соболя, выдру или прокладывания путика, охотник потратит на нее патрон. В среднем за один день охотник мог бы добыть несколько десятков белок, которых он стреляет из ружья дробью. Тот факт, что беличья шкурка получается дырявой от дроби, не волнует ни охотников, ни приемщиков, потому что при изготовлении каких-либо изделий эти отверстия можно легко скрыть. Каждый вечер со всех добытых белок охотник снимает шкурки и сушит их. От беличьих тушек отрезает головы, хвосты и лапы и замораживает. На празднование Нового года охотники возвращаются на несколько дней в поселок. Приносят добычу, пушнину, встречаются с родственниками, пополняют запас боеприпасов и т.п. П. Г. Каленчуга отличался от других охотников именно обычаем реципрокности. У 66-летнего охотника была молодая 18-летняя жена, родившая ему дочь. Для питания молодой семьи он приносил из тайги мясо дикого кабана. Своей сестре-вдове охотник приносил мясо изюбря, которое считалось менее вкусным из-за тугоплавких жиров. Семье же оставленной им «старой» супруги доставалось мясо белки. Из белки удэгейцы приготавливают различные вкусные блюда: жареные, вареные, тушеные и т.п. Таким образом, в двух последних случаях охотник не ждал ответных даров по причине невысокого уровня благосостояния и помогал безвозмездно, без ожидания обратных обязательств ни в количественном, ни в качественном отношении.

Анализ некоторых этапов промысловой жизни, праздничной культуры нивхов Чир-Унвда Сахалинской области показал, что комплиментарный реципрокный обмен совершался в их обществе не только между людьми, родовыми подразделениями, но и между поселениями. В частности, мастера Чир-Унвда обменивали продукты таежного промысла на добычу морских зверобоев из п. Ноглики и на продукты оленеводства оленеводов с. Вал. В обменных процессах использовались не только мясо диких или домашних животных или рыба, но и лодки или стволы тополя для производства долбленых лодок, клубни сараны, стебли и листья лопуха для употребления в пищу людьми, собаками и использования в ритуалах угощения духов-хозяев местности. «...есть такое специальное нивхское блюдо, называется “веук” — “нивхский борщ”. Только мы его варим не с мясом, как вы, русские, а с икрой, картофелем и лопухом. А процентное соотношение такое: картошки и лопуха нужно одинаково кидать в кастрюлю, а вот икры всего одну треть от общей массы. Еще нужно добавлять соль и перец по вкусу. Но этот борщ не ритуальный, а просто получается так: если мы лопух даем хозяину моря и реки Тол Ызну, то это ритуальное растение, а если варим для себя борщ, то это просто лопух...» (ПМА 2019). В прежние времена нивхи Чир-Унвда возили на собачьих упряжках для обмена с ногликскими нивхами волокна из крапивы,

из которых потом вязали рыболовные сети и неводы. «...такая хорошая крапива растет только у нас, в Чир-Унвде. Вот мы ее вырываем, в смысле не выкапываем, а рвем стебли. Потом сушим, выветриваем, потом на колене скручиваем ниточки, а уже из ниточек вяжем невода. Вот этот матас и шел на бартер...» (ПМА 2019). Хорошие собаки также являлись частью реципрокных связей. Во время проведения нивхами медвежьих праздников механизмы реципрокности активно работали не только в сфере привлечения охотников из рода зятьев для убиения священного зверя, но и при установлении, поддержке и дальнейшем развитии священных родственных связей рода людей с медведем как со сверхъестественным предком.

В некоторых рыболовных и оленеводческих родовых общинах в настоящее время действует специфическая форма негативной реципрокности: даже родственники хозяина общины работают без получения заработной платы, только за еду, одежду, в том числе промысловую, и предоставление ночлега в комфортабельных жилищах в местах промысла. Одна из информанток с болью в душе рассказала о проблемах общинников: «...сейчас у нас есть 22 общины. Но у них огромные проблемы. Например, одна из первых проблем — появилось батрачество. То есть люди работают в общинах не за деньги, а за еду. Например, я знаю одного человека, который работает на работодателя и ловит рыбу для его семьи. Но сам за это денег не получает, а только часть той же рыбы. Ведь так поступали раньше китайские купцы. И вот теперь как будто это время снова вернулось в наши края. Людей просто обманывают, а тем некуда деваться, потому что другой работы в районе нет. Все места захвачены давно, и стоит живая очередь» (ПМА 2019).

Таким образом, как раньше, так и в настоящее время охотничий, рыболовный и оленеводческий (в меньшей степени) промыслы остаются для коренных народов Амура-Сахалинского региона основой жизни. В промысловой деятельности коренные народы добывают все разрешенные российскими законами и инструкциями виды биоресурсов, стараясь не допускать в эту сферу ненужных свидетелей (ученых, журналистов, туристов и т. п.). Практически каждый день они являются свидетелями нарушения традиционных охотничьих законов и запретов, хищнического истребления фауны и флоры представителями центральных и местных властей, силовых структур, бизнеса и т. п. В настоящее время, несмотря на наличие общин, реципрокные отношения прочно связаны с правами собственности на биологические ресурсы, которые нередко обеспечиваются силовым путем. В основе лежит разница в объеме денежных средств, приближенность к органам власти и различным государственным структурам, клановые интересы.

Коренные народы Амура-Сахалинского региона демонстрируют обменные отношения, сущность которых вполне объяснима указанными выше теоретическими разработками К. Поланьи, М. Мосса, М. Годелье, М. Салинза, С. А. Арутюнова. Традиционные обменные отношения в сфере промысловой деятельности органично входят в реальный и символический комплексы дарообмена. При раздаче общинами (в удачный промысловый год) продуктов, пищи или вещей различным категориям нуждающихся сородичей они не только оценивают эту помощь в контексте реальной стоимости продуктов, их энергетической ценности или утилитарных качеств вещей и предметов, но и осмысливают более высокое мировоззренческое значение этих объектов — как части вещного, но одновременно и сакрального мира. Дар понимается дарующим как залог будущей всеобщей прибыли, как часть магического механизма приумножения богатства, но, конечно же, в первую очередь своего.

БЛАГОДАРНОСТИ ИНФОРМАНТАМ

Список удэгейских информантов с. Красный Яр, Приморский край

1. Каленчуга Иван Гамбович, 1928 г.р., в 2003 г. пенсионер.
2. Каленчуга Петр Гамбович, 1934 г.р., в 2003 г. пенсионер, охотник-любитель.
3. Канчуга Александр Александрович, 1934 г.р., в 2003 г. пенсионер, удэгейский писатель.
4. Дункай Иван Иванович, 1952 г.р., в 2003 г. удэгейский художник.

Список нанайских информантов с. Улика-Национальное, Хабаровский край

1. Актанко Александр Андреевич, 1949 г.р., в 2009–2010 гг. пенсионер.
2. Актанко Геннадий Николаевич, 1950 г.р., в 2009–2010 гг. пенсионер.
3. Ван Владислав Константинович, 1977 г.р., в 2009–2010 гг. рыбак.
4. Ван Наталья Павловна, 1962 г.р., в 2009–2010 гг. директор СДК и заместитель председателя общины МНС «Улика».
5. Удинкан Александр Иванович, 1952 г.р., в 2009–2010 гг. егерь.
6. Удинкан Злата Николаевна, 1965 г.р., в 2009–2010 гг. домохозяйка.
7. Удинкан Татьяна Потаповна, 1970 г.р., в 2009–2010 гг. техничка администрации.
8. Юкомзал Анна Хунхузовна, 1937 г.р., в 2009–2010 гг. пенсионер.
9. Юкомзал Виктория Павловна, 1962 г.р., в 2009–2010 гг. глава сельской администрации.
10. Юкомзал Леонид Федорович, 1939 г.р., в 2009–2010 гг. пенсионер.
11. Юкомзал Любовь Владимировна, 1969 г.р., в 2009–2010 гг. библиотекарь.
12. Юкомзал Татьяна Ивановна, 1931 г.р., в 2009–2010 гг. пенсионер.

Список нивхских информантов

1. Вовчук Елена Ивановна, нивхинка, 1957 г.р., в 2019 г. эксперт по вопросам КМНС муниципального образования городской округ Ногликский, Сахалинская область.
2. Глушкова Наталья Петровна, нивхинка, 1955 г.р., в 2019 г. пенсионер, пгт. Ноглики.
3. Зальвина Зоя Александровна, нивхинка, 1936 г.р., в 2019 г. пенсионер, пгт. Ноглики.
4. Играин Людмила Ивановна, нивхинка, 1950 г.р., в 2019 г. пенсионер, пгт. Ноглики.
5. Лиманзо Ким Борисович, нивх, 1965 г.р., в 2019 г. глава родовой общины, пгт. Ноглики.
6. Нхиргук Артур Юрьевич, нивх, 1983 г.р., в 2019 г. глава родовой общины, пгт. Ноглики.
7. Псягин Геннадий Николаевич, нивх, 1938 г.р., в 2019 г. пенсионер, пгт. Ноглики.
8. Садинова Елена Васильевна, нивхинка, 1988 г.р., в 2019 г., работница родовой общины, пгт. Ноглики.
9. Слежакова Зоя Борисовна, нивхинка, 1986 г.р., в 2019 г. редактор отдела информации и писем газеты «Знамя труда», пгт. Ноглики.
10. Талина Раиса Максимовна, нивхинка, 1956 г.р., в 2019 г. пенсионер, пгт. Ноглики.
11. Шкалыгина Ефросинья Николаевна, нивхинка, 1942 г.р., в 2019 г. пенсионер, с. Чир-Унвд Тымовский район, Сахалинская область.

Список уйльтинских информантов

1. Мувчик Анжела Серофимовна, ороchonка/уйльта, 1968 г.р., в 2019 г. уйльтинская поэтесса, пгт. Ноглики.
2. Макарова Галина Борисовна, уйльта-эвенк, 1950 г.р., в 2019 г. глава семейной общины оленеводов, с. Вал, Ногликского района Сахалинской области.

Список эвенкийских информантов

1. Борисова Анна Сергеевна, эвенкийка, 1978 г.р., в 2019 г. молодежный лидер, с. Вал.
2. Жамьянова Лина Владимировна, эвенкийка, 1972 г.р., в 2019 г. член родовой общины, с. Вал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2019. Амуро-Сахалинский регион.
- Арутюнов С. А. Культуры, традиции их развитие и взаимодействие. Люистон, 2002.
- Белик А. А. «Загадка дара» М. Гodelьe и некоторые проблемы современности // Этнографическое обозрение. № 2. 2008. С. 157–166.
- Березницкий С. В. Полевые исследования культуры кур-урмийских нанайцев Хабаровского края в 2009–2010 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 15 / отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб., 2015. С. 66–89.

Березницкий С. В. Полевые исследования культуры бикинских удэгейцев Приморского края в 2003 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17. Памяти Е. А. Алексеенко / под ред. Е. Г. Федоровой. СПб., 2017. С. 91–108.

Васильев Б. А. Старинные способы охоты у приморских орочей // Советская этнография. 1940. Т. III. С. 161–171.

Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977. С. 117–171.

Войченко Н. В. Историко-культурные формы дарообмена и этнического сувенира народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2010.

Гаер Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в. М., 1991.

Годель М. Загадка дара / пер. с фр., примеч., указ. А. Б. Щербаковой; статья и коммент. А. А. Белика. М., 2007.

Ерискина Н. В. Подарок, дар в системе культуры (на примере культуры коренных народов Камчатки) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 92–97.

Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. (Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. Т. 17).

Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана: пер. с англ. М., 2004.

Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. М., 1996. С. 74–222.

Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступит. ст., коммент. А. Б. Гофмана. М. 2011.

Новик Е. С. Межличная коммуникация как семиотический механизм архаической культуры // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей. М., 1998. С. 232–241.

Поланьи К. Великая трансформация: прошлое, настоящее, будущее / ред. Р. М. Нуреев. М., 2006.

Салинз М. Экономика каменного века / пер. О. Ю. Артемовой, Ю. А. Огородновой и Л. И. Огородного; научная ред. и примеч. О. Ю. Артемовой; предисл. А. В. Коротаева. М., 1999.

Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.). Владивосток, 2005.

Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.

RECIPROCAL RELATIONS IN THE FISHING TECHNOLOGIES OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR-SAKHALIN REGION

ABSTRACT: The article is devoted to the possibility of applying the conceptual frameworks suggested by Russian and international scholars (Karl Polanyi, Marcel Moss, Bronislaw Malinowski, Maurice Godelier, Sergei A. Arutyunov, Elena S. Novik) for the concept of reciprocity in order to identify ethno-cultural features of fishing technologies on the ethnographic materials of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region, Russian Far East (Nanai, Nivkh, Udege, Uilta, Evenks, etc.). The complexes of exchange relations are found not only among individuals such as hunters, fishermen, reindeer herders and marine mammal hunters, but also among individual settlements and tribal units, despite the fact that at present a certain degree of kinship is understood only in terms of the existence of tribal surnames. Reciprocal relations play an important role in fishing activities during the mutually beneficial exchange of ritual gifts between the world of people and the world of spirits—the owners of the area, whom the fishing fortune largely depends on. There is also a specific form of negative reciprocity in the activities of some tribal and family fishing as well as reindeer herding communities of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region, which is based not only on traditional intra-tribal ties, the custom of mutual assistance and the dynamics of equitable distribution of natural resources, but also on the new economic relations generated by market mechanisms.

KEYWORDS: reciprocity mechanism, indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region, fishing technologies

SERGEY V. BEREZNITSKY — Doctor in History, Professor, Leading researcher of the Department of Ethnography of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: svbereznitsky@yandex.ru